

ПОДОБИЕ ОБРАЗА, ИЛИ СИНДРОМ «М. БАТТЕРФЛЯЙ»

«Санкт-Петербургский мужской балет» в Москве

Независимая газ. — 1993. — 7 мая. — С. 7.

Вадим Журавлев

Деграданс

НОВАЯ труппа, организованная Валерием Михайловским, могла затеряться среди многочисленных «русских» и «классических», «московских» и «петербургских» коллективов, ансамблей, «балетов», растущих, как... заправские сорняки: балетных театров много, а найти в репертуаре отечественных служителей Терпсихоры интересный спектакль совсем не просто. Приходится сорнякам мимикрировать под «клубничку», дабы привлечь зрителей на свои спектакли.

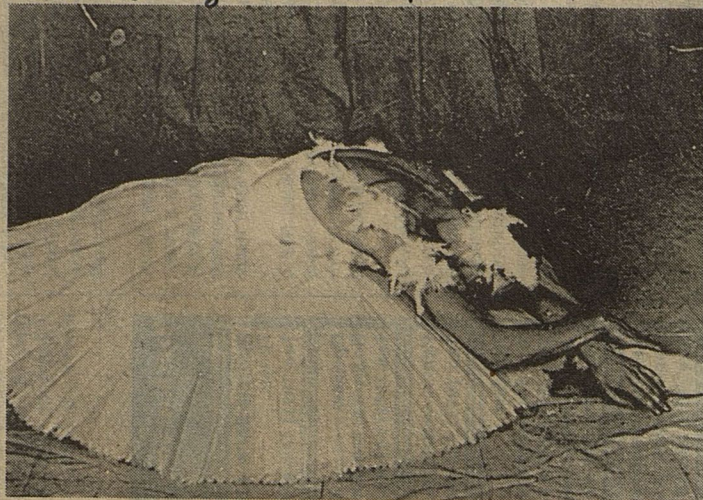
Впервые Михайловского в пачке я увидел в программе Петербургского телевидения, и мне эта идея показалась достаточно интересной. Но уже гастроль «Михайловски-балет» в Москве заставила задуматься о высокой цене, которую платят артисты за дешевый успех у публики.

Правда, давки у касс Театра на Таганке не наблюдалось, держатели загадочных балетных абонементов фирмы «Дубль В» спокойно рассаживались по местам в ожидании пикантного зрелища, в нагрузку к которому давали балет «По образу и подобию» в постановке самого Михайловского. Хорошо, что его показали в первом отделении, а то публика разбежалась бы...

Захватывающих сцен, впрочем, было предостаточно и в этом «модерновом» шедевре. К примеру: под волейбольной сеткой мечутся обнаженные (не совсем, конечно) танцовщицы. А спортивный инвентарь означает всего лишь «жизненные сети». Незатейливый балет предвещает простенькое либретто: «Неверием, алчностью и жестокостью люди довели себя до гибели. Вместе с людьми погиб и Тот, Кто был послан, чтобы своей жизненной добротой заразить людей и спасти их... Не останавливаясь ни перед чем, люди ведут борьбу за место в жизни, за кресло, за материальные блага. Жертвенность и духовность Посланника им чужды, и они изгоняют Его... Тот, Кто послал, забирает от людей истерзанное тело Посланника...»

Тот, Кто писал этот текст, наверное, рассчитывал на воспитанников интерната для умственно отсталых детей, хотя и хореография Михайловского, который в толстовке изображал Того, была довольно примитивна: немного побежали, попрыгали, поводили хоровод, походили по стульям, изображавшим пресловутые кресла, в духе Барышникова («Юноша и смерть» Пти-Кокто), строго чередуя ритмические мелодии и плавные наигрыши ситара и флейты, написанные современным английским композитором Питером Гэбриэлем.

Зато у спектакля «По образу и подобию» был шикарный эпиграф — стихотворение Блейка: «Добро,



К. Сен-Санс «Лебедь».

Хореография М. Фокина.

Исполнитель — В. Михайловский

Смиренье, Мир, Любовь — вот перечень щедрот, которых каждый человек, моля и плача, ждет». Очень хочется добавить к списку Блейка еще и талант, которого так не хватает всем отечественным балетмейстерам. Вырванные из контекста мирового балета, наши бежары и баланчины заново открывают то, что давно известно любому европейскому балетоману.

Уже первый номер дивертисмента под двойным названием «Ах, эти шедевры» («И в шутку, и всерьез») — па-де-катр на музыку Пуни (хореография Антона Долина), исполненный танцовщиками, одетыми в розовые «виллисные» пачки, вызвал в зале хохот. Публика рыдала от смеха, но слезы, застилавшие ей глаза, не помешали разглядеть безвкусных кривляний артистов. Зачем нужна техника, когда все исполняется «в шутку»? Но и «всерьез». Кроме того, шутка требует еще большего таланта, такта и изящества. Стоять на пуантах в труппе могут только сам Михайловский да еще Андрей Розенблюм, а остальные «балерины» недостаток техники с лихвой заменяют выпученными глазами, губками «бантиком», передергивающимися плечами. Вкус изменил всем участникам этого «антибалетного» представления: они переигрывали, слишком часто повторяя набор дешевых штампов, который, по их мнению, должен был пародировать балетных примдонн.

Лишь номер из «Барышни и хулигана» на музыку Шостаковича (хореография Константина Боярского) показал интересные нюансы замены женщины мужчиной. Да и то лишь благодаря исполнителю партии Хулигана Илье Новосельцеву. Маленький рост артиста, пылкий темперамент и комический талант воскрешали в памяти образ фокинского Петрушки. В па-де-де из бурнонвилевской «Сильфиды» Новосельцев продемонстрировал еще и незаурядную технику, легкость и

изящество исполнения вариаций Джеймса.

Остальные номера выглядели лишь жалкой попыткой удовлетворения «балеринских» амбиций, из-за которых была уничтожена чистота исполнения хореографических номеров, как женских, так и мужских. И как воспоминание об этом вечере остались жуткие ломаные руки танцоров, огромное количество недоделанных элементов. Но Михайловскому и его труппе некогда было исправлять ошибки, они должны были веселить публику, как заправские участники балаганов фарсов. Приступы гомерического хохота вызывали самые простые хореографические жесты: хлопки Раймонды, удары бубна Эсмеральды. Но финал дивертисмента превзошел все ожидания.

Пока Валерий Михайловский усиленно молотил воздух руками, изображая фокинское «Лебедя», я воскрешал в памяти другую картину. Год назад, на юбилей Галины Вишневской, вечно молодая Майя Плисецкая исполняла знаменитый номер на музыку Сен-Санса. И создавала образ, в котором отразилась вся история русского балета, вобравшего холодную виртуозность и церемонность французского, итальянского, датского танцев и вернувшегося миру взамен этого человеческого и романтическую одухотворенность. И неужели такой опытный артист, как Михайловский, много лет создававший действительно яркие образы в скучных балетах Эйфмана, не понимает, как жалко выглядят попытки пародировать великий символ всех русских балерин, создавая пошлое подобие этого образа?

Мужской балет из Петербурга, безусловно, первая ласточка. Скоро, вероятно, у него найдутся последователи, которые, насмотревшись, как раздваивается личность в спектакле Виктюка, начнут «ваять» своих собственных «сванфляев».